

Ли Жун тщательно систематизировал доказательства, полученные от Хэ Даюна и Чжай Нин, однако не спешил переходить к решительным действиям. Он прекрасно понимал: время ещё не пришло.

С момента трагедии прошло два года, и теперь ему приходилось считаться с жестокой реальностью — человеческая память коротка. Спустя столько времени имя Ли Цинли для многих стало звучать чуждо. Даже бывшие коллеги профессора всё реже называли его сына «отпрыском тех самых Ли и Гу».

А ведь в своё время Ли Цинли и Гу Нун были самыми известными биологами в стране.

Из-за уникальности «Люйиньсюя» за этим проектом — от идеи до испытаний — пристально следили СМИ, вознося его до небес. На волне бесконечной шумихи и ажиотажа интерес публики достиг пика как раз к началу первой фазы клинических испытаний на людях.

Этот же пик стал идеальным моментом для «свержения богов». Как только на первом этапе возникли проблемы, поток негативных новостей мгновенно поглотил былую славу. Неистовая, бешеная травля затопила всё информационное пространство. Никто не мог устоять перед столь стремительной переменой от любви к ненависти, а методичное, подобное работе репродуктора, «промывание мозгов» и критика намертво запечатлели в сознании масс образ «Люйиньсюя» как смертельно опасного препарата.

Но современный человек поглощает слишком много информации. Даже самый громкий скандал со временем превращается в едва различимый дым. Оскорбления и клевета легко забываются, и теперь, какие бы перемены ни сулило расследование, будет крайне сложно поднять ту же волну народного гнева, что бушевала тогда.

Он хотел не просто очистить имена родителей, он жаждал заставить «Сухэ» заплатить кровавую цену. Для этого требовалось создать резонанс, ничуть не уступающий прошлому. В противном случае правда заинтересует лишь немногих, а в умах большинства так и останется искажённое восприятие событий.

Имеющихся улик всё ещё было недостаточно. Даже если они докажут невиновность профессоров, это не вызовет грандиозного скандала. Ведь по сравнению с Ли Цинли и Гу Нун, Чжэн Чжупань — имя почти безликое, а компания «Сухэ» — лишь холодная корпоративная машина. Даже если правда всплывёт, репутационный ущерб для них окажется несоизмеримо меньше того, что понесли его мать и отец.

Юноша не мог допустить, чтобы дело закрыли по-тихому. Казалось бы, решение близко, но в то же время оно ускользало навсегда. Сейчас лучшим способом привлечь внимание он считал возобновление работы над «Люйиньсюем».

Этим следовало заняться сразу после провала первой фазы испытаний: собрать команду экспертов, проанализировать ошибки, найти решение, проложить новый путь и на основе неудачи создать работающее лекарство.

Но этого не случилось. Всё, что касалось «Люйиньсюя», было глубоко запрятано в архивы. Тема стала запретной, никто не решался к ней подступиться. Тем временем «Сухэ», опираясь на «Цзякэтин», беззастенчиво набивала карманы, фактически монополизировав лечение этого заболевания.

В прошлой жизни Ли Жуну тоже не удалось возродить препарат. Лишь шесть лет спустя, при поддержке Цзян Вэйдэ и под колоссальным давлением, он запустил проект GT201, чтобы заново пройти путь, который, возможно, когда-то наметили его родители.

Он верил в свои силы, но понимал: с его нынешним статусом добиться этого будет невероятно трудно.

Ситуация, казалось, зашла в тупик.

В фешенебельном районе CBD города А Линь Цинь, поплотнее натянув кепку и поправив маску с тёмными очками, поспешно вышел из продюсерской студии Янь Пань. Едва за ним начала закрываться тяжёлая дверь, изнутри донёлся яростный, полный желчи крик:

— Да кто он такой?! Возомнил о себе невесть что только потому, что стал популярен! В этой индустрии звёзды зажигаются и гаснут пачками. Сбросить его с пьедестала для меня — раз плюнуть! Не хочет он, видите ли, зарабатывать «на коленях»... Да за дверью толпа желающих, которые ради бабла в лепёшку расшибуются! Скажите судьям: я посмотрю, кто из них рискнёт отдать ему первое место!

Студия Янь Пань была создана в основном на деньги Сун Яньи. Штат состоял всего из семи-восьми человек, и изначально контора служила лишь для легального ухода от налогов, но теперь превратилась в штаб-квартиру, где тот проворачивал свои дела.

Сотрудники, завидев Линь Циня, не проявили ни капли восторга, который обычно вызывает встреча с востребованным певцом. Они даже не повели бровью на крики президента Суна, доносившиеся из кабинета. Люди равнодушно проходили мимо, не достаивая парня даже взглядом.

Для главы студии унижение успешных артистов было обыденностью. Завтра в этот кабинет войдёт другой красивый и талантливый юноша, и всё повторится.

Линь Цинь осторожно коснулся записывающего устройства, спрятанного во внутреннем

кармане, и, опустив голову, проскользнул в лифт. Оказавшись в кабине, он снял очки и стянул маску на подбородок.

Глядя на своё отражение в зеркальных дверях, он ощутил в себе стальную решимость, какой не чувствовал никогда прежде.

Лифт остановился. Стоило Линь Циню выйти в холл, как его глаза мгновенно наполнились слезами. Хрупкий, с покрасневшим лицом и дрожащими губами, он до крови прикусил губу и, не скрываясь, зашагал по самому оживлённому проспекту района CBD.

Он знал: за ним постоянно следят фанаты и папарацци, готовые в любой момент сделать снимок или видео. Эти кадры не появятся в сети немедленно. Но они всплывут. Обязательно всплывут — тогда, когда это будет нужнее всего.

— Апчхи!

Ли Жун нахмурился и потёр нос.

Цзян Вэйдэ глубоко вздохнул, с плохо скрываемым разочарованием глядя на ученика.

— Не пытайся уйти от ответа. Я спрашиваю: почему ты пропустил мою лекцию на прошлой неделе?

Профессору было неловко признавать, но он чувствовал укол ревности. Он слышал, что в прошлом семестре Староста прогулял кучу занятий, но всё равно сдал экзамены на отлично. Учёный полагал, что другие преподаватели просто не могли дать юноше ничего нового — всё-таки Ли Жун был воспитан четой Ли и Гу.

Но он — другое дело! Он был почётным профессором, чьё имя стояло в одном ряду с Ли Цинли. Он был уверен, что Ли Жун будет дорожить каждой его лекцией. Ради этого Цзян Вэйдэ даже подготовил массу дополнительных материалов и, что случалось крайне редко, сам составил презентацию.

И Ли Жун просто не пришёл. Оказалось, он ничем не отличается от остальных.

Ли Жун прикрыл рот ладонью и виновато поднял глаза. Его голос прерывался кашлем.

— Профессор, я просто простудился. После того отравления угарным газом моё здоровье пошатнулось, и в межсезонье я постоянно болею.

Профессор прекрасно помнил, что на сегодняшнем занятии юноша ни разу не кашлянул, но стоило тому упомянуть об отравлении, как все упрёки застряли в горле. Он не мог злиться, ведь в глубине души его всё ещё грызло чувство вины.

Учёный совсем не знал Ли Жуна, зато Ли Жун знал его превосходно. Юноша до конца не понимал, на чьей стороне играет собеседник, но был уверен: сейчас тот не желает ему зла.

Покашляв ещё немного, пока в горле не пересохло, Ли Жун сменил тон на примирительный:

— Учитель, не волнуйтесь. Хоть болезнь и помешала мне прийти, я ни за что не запущу учёбу.

Цзян Вэйдэ покачал головой.

— В твоих способностях я не сомневаюсь. Просто с таким талантом тебе стоит прикладывать больше усилий. Ученье безгранично, и те знания, что ты получаешь сейчас — лишь верхушка айсберга.

Ли Жун не стал спорить и лишь кротко улыбнулся.

— Вы правы. Помните, вы говорили, что я могу поучиться в лаборатории? Как раз хотел спросить, нет ли подходящих проектов для такого новичка, как я?

Говоря о верхушке айсберга... Если его знания — лишь малая часть, то весь биохимический отдел института «Хунсо» можно смело распускать.

Видя такое рвение, профессор заметно воодушевился.

— Мои проекты будут для тебя слишком сложными, но можно присмотреться к работам магистрантов. Если хочешь, я могу...

— Как удачно! — тут же перебил его Ли Жун. — У меня есть подруга, которая просто бредит экспериментами, и у неё явный талант. Договорились: вы поможете ей устроиться на стажировку в лабораторию.

Цзян Вэйдэ:

— ...

Выйдя из корпуса биохимии, Ли Жун сверился со своим плотным расписанием и невольно вздохнул. Всё-таки жизнь прогульщика была куда приятнее. Смотреть на этот бесконечный список лекций было тяжелее, чем на те несколько дней на горе Хуннин.

Прикинув время, он смирился с участью и поспешил в следующую аудиторию. Ему нужно было в кратчайшие сроки «примелькаться» перед каждым преподавателем.

В эти два дня у него не было времени даже пообедать с Цэнь Сяо. Оставалось только гадать, чем тот так занят в Девятом районе.

У Цэнь Сяо сегодня дел было немного. Он мастерски лавировал между обязательствами, прикрываясь учёбой перед Хань Цзяном и работой в Девятом районе перед классным руководителем.

Хань Цзян не горел желанием работать с ним, но из-за прошлых заслуг Цэнь Сяо не мог просто так от него избавиться. Ему оставалось лишь стиснуть зубы и терпеть холодную дерзость подчинённого, ожидая, пока Ду Минли покажет хоть какие-то результаты.

Цэнь Сяо планировал вернуться в университет, чтобы повидаться с Ли Жуном, но планы изменились: Ду Минли вернулся из командировки. Хотя дело ещё не было доведено до конца, всё шло гладко — финал ожидался через пару недель.

Закончив доклад у Хань Цзяна, Ду Минли перехватил Цэнь Сяо прямо в дверях офиса. Цэнь Сяо, как обычно, выказал полное отсутствие интереса к коллеге, но выставлять его не стал.

Ду Минли мягко улыбнулся, сделал несколько касаний в телефоне и небрежно бросил:

— Начальник группы Цэнь, послушайте кое-что.

Запись началась с резкого, неприятного скрежета отодвигаемого стула. Цэнь Сяо поморщился. Вскоре послышались голоса. Звук был тихим, качество записи — посредственным, с постоянным гулом помех, но слова разобрать удавалось.

«...Выделять средства на продолжение исследований невозможно, "Цзякэтина" на данном этапе вполне достаточно»

«Окупаемость — пять лет, через семь прибыль удвоится. Нужно доить эту корову как минимум десять лет»

«Десять лет... Да тут на все пятнадцать-двадцать хватит. Разработка — дело тяжёлое»

«Да, исцелять нельзя. При таких болезнях, где таблетки нужно пить пожизненно, каждый вылеченный — это минус один клиент»

«Лишь бы никто не вздумал умничать»

«Да кто посмеет? Мы ведь не лезем в сферу интересов других гигантов, у всех есть свои "золотые жилы". Тут полное взаимопонимание»

«И то верно. Пока есть "Цзякэтин", лезть в эту нишу — значит вредить и другим, и себе»

Когда запись закончилась, Ду Минли с улыбкой убрал телефон. Цэнь Сяо слегка прищурился, не проронив ни слова.

— Я думал, вы спросите, что это такое, — усмехнулся Ду Минли.

— Разве это и так не очевидно? — холодно отозвался Цэнь Сяо.

Ду Минли вздохнул:

— А ты и впрямь скучный. Ума не приложу, что в тебе нашёл мальчишка из семьи Ли. Или он просто клюнул на твой статус?

Взгляд Цэнь Сяо мгновенно стал недобрый.

— Ты пришёл условия ставить или языком чесать? Оставь пустую болтовню при себе.

Ду Минли покачал головой, несколько разочарованно произнеся:

— Ты на меня смотришь как на врага, неужели я не могу даже пары слов вставить? Я же говорил: мы можем сотрудничать. В деле профессора Ли я на вашей стороне. Если это «Сухэ» нанесли удар, я обязательно приложу руку к их краху. Ты не веришь, что я могу быть порядочным человеком, не веришь в мои принципы только потому, что мы из разных классов. Для тебя мы естественные враги — ты боишься, что однажды я докопаюсь до грехов Третьего района.

Цэнь Сяо коротко усмехнулся.

— Слишком много на себя берешь. Но в одном ты прав: мы действительно можем сотрудничать.

Эта запись была отличной уликой. Даже если придётся пойти на хитрость, её нужно заполучить у Ду Минли.

Цэнь Сяо вдруг осознал, что упускал из виду: в прошлой жизни Ду Минли ополчился на Ли

Жуна уже после того, как занял место Хань Цзяна. Сейчас же у него были все причины ненавидеть корпоративных гигантов вроде «Сухэ», ведь в данный момент Ду Минли смотрел на мир глазами обычного человека, такого же, как когда-то Ли Цинли.

Он ещё не успел отрастить в себе высокомерие облечённого властью чиновника.

<http://bllate.org/book/15351/1570146>